



ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. «Велесова книга»: явление тайны	9
«Дощечки Изенбека»	11
Артефакт: найденный и вновь потерянный	16
На страницах «Жар-птицы»	22
Подлинник или подделка?	29
Глава 2. Язык и голос «Книги»	39
Дохристианская письменность: «черты и резы»	41
Письменность как инструмент политики	50
Уникум или результат авантюры?	59
Глава 3. Славяне, где начинается ваша история?	73
Вопрос прародины	75
Добавить тысячу лет...	
А может, и не одну!	83
Столетия скитаний	90
Первые века новой эры: две точки зрения	100

Глава 4. «Это наша земля!» Славянское государство и вопросы его создания	109
И зачем нам эти норманны?	111
Государство и его руководители	115
Сомнительные персонажи и события	128
От Вещего Олега до Владимира Святого	134
Глава 5. Славянский пантеон: божественное и человеческое	147
Религия, наука и политика	149
Миф и сказка	153
Князь Владимир: попытка «языческой реформы»	164
Велес и другие	181
Три, да три, да три...	193
Четыре лика идола	196
Глава 6. Вместо заключения: «Велесова книга» как явление	205
Рукопись — ложь, да в ней все интересно!	207
Парад загадок	211
Велесова книга	217



ВВЕДЕНИЕ

Является ли история наукой?
— Безусловно — да! — ответят профессиональные историки.

— Нет, — припечатывают многие представители точных наук. — Эксперимент провести невозможно, никакой особой системы знаков и правил нет, да и вообще историю, как известно, пишут победители! Ну и так далее...

Конечно, с такой позицией можно — и нужно — спорить. В основном ее занимают те, кто не подозревает о наличии обширной методологии истории и целого корпуса так называемых вспомогательных исторических дисциплин, одной из функций которых как раз и является помощь в восстановлении максимально достоверной картины. Да и многие общенаучные методы — анализ, синтез, сравнение и другие — применительно к истории работают вполне успешно.

Да, несомненно, у истории как науки есть свои особенности. Если в области алгебры, гео-

метрии, физики или химии мы можем опереться на формулы и аксиомы, в истории для более или менее однозначного ответа на вопрос приходится предпринимать значительно больше усилий: сравнивая, изучая, анализируя. Ведь исторический источник — то, на чем базируется историческое исследование, — может быть пристрастен, неоднозначно истолкован, в конце концов, просто не полностью сохранен. Поэтому для всестороннего изучения того или иного вопроса подобных источников нужно привлекать как минимум несколько. И там, где дело не касается очевидных и давно установленных фактов, подчас остается пространство для новых гипотез. Более того, подобные ситуации в истории иногда возникают даже в том случае, когда, казалось бы, вопрос давно изучен и сомнительных моментов больше нет. Ибо остается искушение объявить официальные научные данные, например, не заслуживающими доверия и выдвинуть новую революционную теорию.

Время от времени в научном (и не только) сообществе всплывают артефакты и документы, появление которых провоцирует острую дискуссию. Кто-то предлагает на их основании едва ли не отменить всю существующую историческую науку, кто-то, напротив, ищет аргументы в пользу фальсифицированности новоявленного источника.

Исторический источник в классическом понимании — это любой документ или предмет, непосредственно отразивший исторический процесс и способствующий созданию представления о той или иной эпохе: от правительственных распоряжений до частных писем, от видеозаписей митингов до древних керамических черепков.

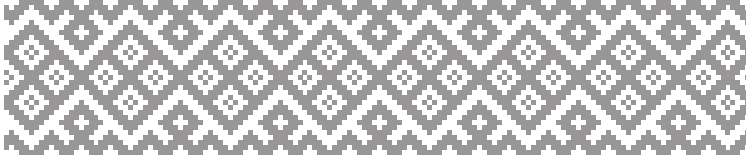
Классический пример такого камня преткновения — загадочная «Велесова книга».

Широкую известность в узких кругах она получила лишь во второй половине XX столетия. Сначала — в США, причем в основном в среде русских эмигрантов, которыми, собственно, и являлись открыватели этого документа. Затем — в СССР, где публикация выдержек из «Книги» не произвела особого ажиотажа: печатались они в журналах наподобие «Вопросы языкознания» и обсуждались на немногочисленных научных конференциях, поэтому в условиях отсутствия интернета «Велесова книга» сенсацией не стала. Кстати, одна из причин заключалась именно в том, что загадочный документ обнародовали белоэмигранты, и привлекать к нему лишнее внимание не стали.

Популярность эти тексты приобрели в СССР лишь во время перестройки, на волне «вскрытия архивов» и «пересмотра устоев». Полностью «Велесову книгу» опубликовали у нас в 1990 году; и прочитав-

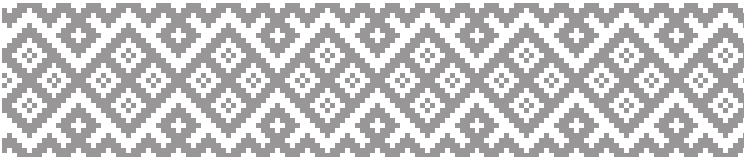
шие вскоре разделились на два лагеря. В первый входит большинство профессиональных академических историков и филологов, однозначно признающих книгу фальшивкой, созданной, скорее всего, именно теми, кто впервые явил ее миру. Второй — гораздо более разношерстный. Но в любом случае у «Велесовой книги» есть несомненное достоинство: во-первых, она пробудила интерес к родной истории у тысяч людей, а во-вторых, вызвала научную дискуссию, которая, как известно, приближает к истине. Объекты, подобные «Велесовой книге», заставляя искать, сравнивать и рассуждать, играют в этом свою положительную роль. Независимо от того, признаем мы их фальсификацией или достойным доверия материалом.

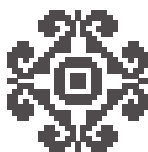
Давайте же обратимся непосредственно к этому загадочному источнику, а попутно познакомимся с некоторыми особенностями, достижениями и казусами исторической науки! В конце этого издания вы найдете приложение в виде собственно текста «Велесовой книги» в актуальном переводе, который мы несколько адаптировали к восприятию современного читателя, и сможете составить о ней свое мнение. Рекомендуем все же начать с теории и истории «Велесовой книги», а уже потом переходить к изучению ее текста. Учтите, что написание некоторых слов в нашем переводе может немного отличаться от тех образцов, которые процитированы в первой — «исторической» — части, но это вполне нормальное явление.



ГЛАВА 1.

**«ВЕЛЕСОВА КНИГА»:
ЯВЛЕНИЕ ТАЙНЫ**







«ДОЩЕЧКИ ИЗЕНБЕКА»

Наступил безрадостный для России 1919 год. Идет самый тяжелый этап Гражданской войны; в Сибири собираются антибольшевицкие силы под командованием адмирала А. В. Колчака, объявленного Верховным правителем; на юге действуют белогвардейские войска под началом Деникина, усиливается иностранная интервенция, разруха и всеобщее ожесточение достигают невыносимых пределов.

И вот в некоей полуразрушенной большевиками помещичьей усадьбе (в истории «Велесовой книги» нам постоянно будут встречаться слова «некий», «неизвестный», «неустановленный») белогвардеец Федор Артурович Изенбек обнаруживает деревянные дощечки, покрытые загадочными письменами. Сразу поняв, что перед ним нечто заслуживающее внимания (до войны Изенбек окончил Академию художеств и побывал во многих археологических экспедициях в качестве зарисовщика), он приказывает денщику сложить дощечки в мешок, забирает их с собой —

и после этого на протяжении нескольких десятилетий они вместе с Федором Изенбеком проходят по фронтам Гражданской войны, вместе с ним отправляются в эмиграцию... Пока наконец не попадают в руки тех, кто их впервые опубликовал.

И уже на этом этапе мы вступаем на путь догадок и недомолвок. Дело в том, что сам Изенбек, первооткрыватель и владелец «дощечек», ничего о них не писал и не стремился представить их широкой общественности. Сделал это писатель Юрий Миролюбов, с которым Изенбек якобы познакомился в 1925 году и которому поведал о загадочном артефакте. Все, что мы знаем о «дощечках» и об их обнаружении, известно только благодаря Миролюбову и с его слов. А он утверждает, что усадьба, в которой его друг обнаружил уникальный предмет, находилась то ли на Орловском, то ли на Курском направлении и принадлежала вроде как неким князьям — то ли Донским, то ли Задонским, то ли Донцовым.

Все это уже кажется немного странным. Во-первых, почему человек, с полувзгляда разобравшийся, что перед ним находится ценный артефакт, и сумевший сохранить его в жуткой обстановке Гражданской войны и во время бегства из охваченной огнем России, потом сам не предпринимал никаких попыток представить его научной общественности? Во-вторых, почему профессиональный военный не самого низкого звания не помнил ни направления, на котором он воевал, ни того, кому принадлежало захваченное имение?

А ведь на момент его знакомства с Миролюбовым со времени обнаружения «дощечек», по официальным данным, прошло всего около шести лет! И сам Миролюбов, познакомившись с бывшим белогвардейцем в 1925 году (если, конечно, эта дата верная), потратил 16 (!) лет на перерисовывание и якобы реставрацию ценнейшего источника, прежде чем навсегда расстаться с владельцем табличек-дощечек по причине смерти последнего — Изенбек скончался в 1941 году. Более того, он частично обнаружил эти таблички только в 1953-м! На этом загадки не заканчиваются, и к ним мы вернемся позже, пока скажем, что благодаря всем перечисленным странностям некоторые противники подлинности «Велесовой книги» даже предполагали, что Федор Артурович Изенбек — вымышленное лицо.

На самом деле такой персонаж существовал в реальной жизни, и свидетельств его деятельности более чем достаточно. Вот только все эти свидетельства никак не относятся ни к источниковедению, ни к историческим изысканиям.



Старший брат Федора Изенбека — Сергей Артурович Изенбек (1883–1962) — был известным инженером, специалистом в области морского приборостроения; во время Гражданской войны поддержал советскую власть. Преподавал во многих профильных учебных заведениях Санкт-Петербурга — Ленинграда.

В мирной жизни, до революции и позднее — в эмиграции, Изенбек был известен прежде всего как художник и график. Родился он в 1890 году, до поступления в Академию художеств окончил Морской кадетский корпус. Об истории его семьи и фамилии известно немного: писали о том, что семейство Изенбеков происходит, возможно, «из немцев», и восточное звучание фамилии — случайно. Правда, сам Изенбек способствовал формированию ореола тайны вокруг своей личности — например, часто подписывался как «Али Изим-бек» или еще каким-то подобным образом, любил рассказывать о поездках в Среднюю Азию и активно использовал в своих картинах яркие, декоративные восточные мотивы. Как уже было сказано выше, до революции он успел побывать в экспедициях в качестве штатного художника, да и вне путешествий занимался творчеством. По окончании Гражданской войны, в эмиграции, Федор Изенбек работал на фабрике ковров, создавая орнаменты, писал портреты и натюрморты (его картины сейчас в основном находятся в частных коллекциях) и практически ничем не выдавал своего интереса к истории и филологии, что было бы логично для человека, получившего в свои руки ценнейший исторический памятник. Он участвовал во многих художественных выставках и пользовался определенным успехом.

Кстати, в упоминаниях о «Велесовой книге» на момент 1919 года Изенбека обычно именуют пол-

ковником. Но согласно сохранившимся документам (известия о повышениях и назначениях в то время публиковались в газетах, в частности в «Великой России», печатавшейся тогда в белогвардейском Екатеринодаре), «подполковником с переименованием в полковники» наш герой стал только в ноябре 1919 года. Конечно, может быть так, что «дощечки» он нашел уже после этого, в конце ноября — декабре, тем более что точное время находки нам неизвестно. Но в то же время такое допущение дает противникам «Книги» еще один повод сомневаться.

Что же касается усадьбы, в которой были обнаружены таинственные «дощечки», впоследствии высказывалось предположение, что это могла быть усадьба Задонских в поселке Великий Бурлук Харьковской области. Она действительно была разгромлена в 1918 году, а через несколько месяцев, изгнав отряды Красной армии, туда пришли белогвардейцы. Более того, Федор Изенбек воевал в составе Марковской артиллерийской бригады (Вооруженные силы Юга России), которая в конце 1919 года вела бои в пределах нынешнего города Торез Донецкой области. До Харькова и его окрестностей, конечно, не то чтобы рукой подать, но можно тем не менее предположить, что в ходе боевых действий судьба занесла белогвардейского офицера именно в Великий Бурлук.

Но при чем здесь Орловское или Курское направиения, о которых якобы рассказывал Миролю-

бову Федор Изенбек? Однако не будем забывать, что его слова нам известны только в передаче самого Миролюбова, поэтому вполне возможно, что это либо какая-то ошибка, либо, напротив, целенаправленное запутывание следов, если «Велесова книга» действительно была сфальсифицирована.

Первоначально «Велесова книга» обычно именовалась «Влесовой», так как на одной из дощечек первое слово читали как «влескниго». Более удобное для произношения название «Велесова» установилось позднее. В первых публикациях ее обычно называли «дощечками (или "дошьками") Изенбека».

АРТЕФАКТ: НАЙДЕННЫЙ И ВНОВЬ ПОТЕРЯННЫЙ

Федор Артурович Изенбек, как уже было сказано, умер в августе 1941 года, ни разу не попытавшись обнаружить имевшиеся у него «дощечки» (если, конечно, он действительно был их обладателем). Многие дальнейшие события — как, впрочем, и все вышеизложенное — известны нам только со слов Юрия Миролюбова.

Юрий Петрович Миролюбов (Лядский, 1892–1970) был разносторонней личностью. Родился он

в семье священника, обучался в духовном училище, Варшавском и Киевском университетах, где получил медицинское образование. В годы Гражданской войны воевал на стороне Деникина, после отъезда из России несколько лет скитался — успел пожить в Египте, Индии, Турции, Праге, пока наконец не осел в Бельгии, где начал работать инженером-химиком на глициериновом заводе. С ранней юности писал стихи и прозу, особо увлекался историей славянства; не будучи профессиональным историком, разрабатывал собственные теории происхождения русов, в которых соседствовали как вполне рациональные идеи, так и весьма сомнительные. Миролубов был уверен в историчности Атлантиды, в том, что русы — древнейший народ на земле и пришли они в Европу за много веков до начала нашей эры, составляя... авангард ассирийской армии. Государство, по мнению Юрия Петровича, у наших предков также сформировалось за много веков до «официальной даты». Но самое главное — он был свято уверен в том, что славянская письменность началась не с Кирилла и Мефодия, она родилась и успешно использовалась еще в глубокой древности, несколько тысяч лет назад. И уже на основе славянской древнейшей азбуки родились латынь, греческая письменность, а также скандинавские руны.



Необходимое уточнение: большинство современных историков вовсе не отказывают славянам в возможном наличии «докириллической письменности». Основная проблема – в почти полном отсутствии достоверных источников, по которым можно было бы судить о том, что и как писали наши предки до Кирилла и Мефодия.

В начале 1950-х годов Юрий Миролюбов начал сотрудничать с русскоязычным журналом «Жар-птица», который издавался в Сан-Франциско; переехав в США в 1954 году, он некоторое время редактировал его. Именно в «Жар-птице» еще до приезда Миролюбова в Америку появились первые статьи о «Велесовой книге» (или «дощечках Изенбека»), которые Юрий Петрович якобы впервые увидел у своего друга Изенбека более четверти века назад. А историю артефакта он излагал следующим образом.

В 1925 году в Брюсселе судьба свела Миролюбова с Федором Изенбеком. Юрий Петрович, который в то время якобы вынашивал идею написания исторического романа, пожаловался приятелю на нехватку интересного материала. В ответ Изенбек предложил ему ознакомиться с содержимым некоего мешка, лежавшего на полу в его комнате. В мешке оказались «дощки» (сам Миролюбов и многие его последователи называли их именно так) размером примерно 38 на 22 сантиметра и толщиной около полусантиметра, связанные тонким

ремешком, пропущенным через проделанные в них отверстия. На «дощках» были хорошо видны какие-то загадочные знаки, составлявшие, видимо, фрагменты текста. С. Лесной цитирует письмо Миролюбова от 11 ноября 1957 года (напомним — написанное по крайней мере через 16 лет после гибели или пропажи самих дощечек), в котором сказано следующее: *«Поверхность была исцарапана от долгого хранения. Местами они были совсем испорчены какими-то пятнами, местами покоробились, надулись, точно отсырели. Лак, их покрывавший, или же масло поотстало, сошло. Под ним была древесина темного дерева. Изенбек думал, что “дощки” березового дерева. Я этого не знаю, так как не специалист по дереву. Края были отрезаны неровно. Похоже, что их резали ножом, а никак не пилой... Текст был написан или нацарапан шилом, а затем натерт чем-то бурым, потемневшим от времени, после чего покрыт лаком или маслом. Может, текст царапали ножом, этого я сказать не могу с уверенностью. Каждый раз для строки была проведена линия, довольно неровная. Текст был писан под этой линией... На другой стороне текст был как бы продолжением предыдущего, так что надо было переворачивать связку “дощек” (очевидно, как в листах отрывного календаря, — С. Л.)... В иных местах, наоборот, это было, как если бы каждая сторона была страницей в книге. Сразу было видно, что это многостолетняя давность. На полях некоторых “дощек” были изображены головы быка, на других*

солнца, на третьих разных животных, может быть, лисы, или собаки, или же овцы. Трудно было разобрать эти фигуры»¹.

А далее происходит следующее. Миролюбов, по его собственному признанию, сразу понимает, что перед ним — весьма интересный и ценный исторический источник. Но при этом Изенбек якобы запрещает ему выносить «дощечки» из его комнаты (судя по тому, что писал Миролюбов, дощечки, видимо, хранились в комнате, в которой его друг работал над эскизами ковров). И в течение многих лет Юрий Петрович тщательно перерисовывает дощечки, стараясь не упустить ни одной детали, а также реставрирует их, так как понимает, что загадочная «Книга» в плохом состоянии и может быть утрачена.

Не правда ли, странно? Встретились два человека, которые весьма интересуются историей и понимают важность исторического источника. Причем один из них — Юрий Миролюбов — разрабатывает отличающиеся от общепринятых исторические теории и остро нуждается в достоверных доказательствах своих идей. При этом:

- Ни один из них не предпринимает усилий к тому, чтобы уникальный источник был обнаружен как можно скорее и стал известен широкому кругу любителей истории; более того, вла-

¹ Цит. по: Творогов О. В. Что же такое «Велесова книга»? // Что думают ученые о «Велесовой книге». СПб.: Наука, 2004.

делец почему-то не разрешает даже вынести их из комнаты.

- Ценнейшие «дощечки», способные перевернуть всю историческую науку, на протяжении многих лет лежат на полу в обычном походном мешке. И их владелец, любитель искусства, неплохо разбирающийся в археологии, не предпринимает никаких попыток, например, передать их в музей, где их могли бы всесторонне изучить и предложить наиболее адекватные способы реставрации.
- Совершенно непонятно, почему не было предпринято попыток сфотографировать «дощечки» — в то время никаких особых технических препятствий к этому уже не было. Вместо этого Юрий Миролюбов (если верить его утверждениям) зарисовывает таблички и параллельно реставрирует их. О факте реставрации он сообщал в своих письмах, когда начались переговоры относительно публикации «Книги», но в чем выражалась эта реставрация, достоверно неизвестно. Миролюбов упоминает некое «склеивание» — имелось в виду, возможно, восстановление расслоившихся дощечек. Впрочем, в вопросе о фотографировании артефакта нужно сделать одну важную оговорку — и мы сделаем ее чуть позже, вернувшись к данной теме.